

Таким образом, в рамках заявленной проблематики требуется тщательное историографическое исследование для выяснения дискуссионных вопросов, выявления наиболее и наименее изученных тем и сюжетов.

Примечания

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 1.

² Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976.

³ Евланова М.Н. Рабочий класс – фронту. Историографический очерк. Челябинск, 1984.

⁴ Агарышев П.Г., Дергач М.С., Евланова М.Н. Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975.

⁵ Агтуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Екатеринбург, 1992; Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автореф. ... д.и.н. Екатеринбург, 2001; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Могутнов В.П. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). На материалах Урала. Автореф. ... д.и.н. Челябинск, 2000; Мотренич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1940–1950 гг.). Екатеринбург, 1993; Палещих Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995; Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996; Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; Она же. Роль местных органов государственной власти Российской Федерации в обеспечении фронта пополнением в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах Южного Урала). Автореф. ... д.и.н. СПб., 1996; и др.

⁶ Корнилов Г.Е. Историография истории Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000; Он же. Основные итоги изучения промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург, 2005. С. 70.

⁷ Урал – фронту / Под ред. А.В. Митрофановой. М., 1985.

⁸ Историки Урала XVIII–XX вв. Биобиблиографический изданий. Екатеринбург, 2003.

И.Г. Шишкин
(Тюмень)

Современные подходы к изучению памятников средневековой русской культуры

Источниковедение в России на рубеже II–III тысячелетий переживает серьезный подъем. Этому способствует новая историогра-

фическая ситуация, которая сложилась в стране. Она характеризуется целым рядом важных обстоятельств. Во-первых, публикуется много новых источников в связи с тем, что с конца 1980-х гг. были открыты отечественные архивные фонды и в нашей стране стали широко публиковаться источники из зарубежных архивов. Во-вторых, значительно расширились возможности извлечения из источников исторической информации в связи с развитием новых технологий и расширения арсенала методов источниковедческого исследования.

Наиболее бурно сегодня развивается источниковедение новой и новейшей истории России. Это понятно, поскольку именно по этим периодам российской истории вовлекается в научный оборот наибольшее количество новых источников. Кроме того, именно эти периоды отечественной истории подвергаются наибольшему переосмыслению с использованием новых теоретических подходов.

Тем не менее, источниковедение средневековой русской истории на рубеже XX–XXI вв. также развивается достаточно активно. Постоянно публикуются работы источниковедческого характера, в которых анализируются памятники русской культуры: летописи¹, памятники духовной культуры², произведения публицистики³. Особенностью источниковедения средневековой истории является то, что хотя по нему публикуется меньше новых источников, чем по другим периодам отечественной истории, однако методика изучения источников серьезно совершенствуется.

Современные исследователи совершенно справедливо отмечают, что «на рубеже XX–XXI вв. изучать духовную культуру особенно сложно». Это связано с тем, что «ушедшее столетие было временем важнейших методологических поворотов и прорывов, взлетов и падений»⁴. Очень сильным изменениям подвергся методический инструментарий. В источниковедении средневековой культуры наряду с традиционными методами широко используются междисциплинарные методы источниковедческого исследования. Именно при изучении источников по истории русской средневековой культуры наиболее ярко проявляется борьба позитивистской и неокантианской парадигм исторического развития.

В исторической литературе можно обнаружить объяснение тому, почему именно специалисты по истории средневековья оказались наиболее восприимчивыми в сфере овладения новыми методиками. Б.И. Ровный пишет, что после принудительного разрушения марксистской парадигмы историописания в начале 1990-х гг. «наиболее подготовленными к провозглашению методологических альтернатив марксизму оказались медиевисты старшего и среднего поколения (Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич, Л.П. Решина и др.), более свободные по сравнению со специалистами по новой и новей-

шей истории и истории России (а тем более истории КПСС) от необходимости следовать марксистскому инструментальному канону»⁵.

К этому следует добавить, что в практике работы данного поколения медиевистов даже в советское время широко использовалась зарубежные методологические наработки, прежде всего «Школы «Анналов», о чем свидетельствует в своих воспоминаниях А.Я. Гуревич. Вспоминая о своей научной деятельности в 1960-е гг., он писал, что к этому времени он «уже освоился с работами представителей Школы «Анналов» и понимал значение осуществленной еще в начале XX столетия неокантианской критики традиционной историографии»⁶.

Именно методический арсенал, накопленный неокантианской парадигмой исторического познания, стал активно применяться в современном источниковедении средневековой культуры.

Весьма востребованным в отечественной средневековой историографии является историко-антропологический подход. Он нацеливает историков на повышенный интерес к изучению человека в истории, мотивов его поведения, действий, поступков, представлений, ментальных норм и ценностям, повседневного бытия, всех форм жизнедеятельности⁷. В последнее время этот подход активно применяется при изучении русской средневековой аристократии⁸. Гораздо меньше исследований подобного рода существует об обычном человеке русского средневековья⁹. Это и понятно, поскольку дошедшие до нас отечественные источники не позволяют реконструировать биографии обычных людей того времени.

Для того чтобы выйти из этого положения современные исследователи применяют междисциплинарные методы при изучении достаточно известных источников, пытаясь извлечь из них скрытые ранее пласты информации.

Многие исследователи применяют к изучению средневековых русских источников герменевтику, метод толкования текстов. Герменевтическое комментирование трех посланий Андрея Курбского Ивану Грозному провел А.И. Филюшкин. Автор пришел к выводу, что «благодаря *тотальному комментированию* текста, близкого к научной парадигме «пристального чтения» («close reading»), были получены новые результаты, которые дают основания для переоценки посланий Курбского Ивану IV как исторического источника, позволяют уточнить целый ряд сюжетов отечественной истории второй половины XVI в.»¹⁰

А.В. Каравапкин и А.Л. Юрганов подчеркивают, что цель герменевтики – «*понять другого*, понять так, чтобы открылись имманентные смыслы, нетождественные нашей картине мира»¹¹. Сторонники неокантианской философии истории предлагают отказаться от интерпретации источников, которая неизбежно приводит к их

модернизации, то есть наделению человека прошлого современными взглядами и представлениями. Они заменяют интерпретацию реконструкцией, то есть последовательным истолкованием источников, и именуют этот метод исторической феноменологией¹².

Свое видение исторической феноменологии А.В. Каравашкин и А.Л. Юрганов реализовали в книге, посвященной источниковедению культуры. Авторы полагают, что «в источниковедении культуры основная тенденция выявляется в ходе реконструкции объяснительных процедур источника. Она выражается собственной целевой установкой и собственными причинно-следственными связями»¹³. Смысл исторической феноменологии заключается в том, что на смену веры в источник приходит вера в историка.

Конечно, не только методы исторической антропологии позволяют открыть для современного исследователя смысл скрытой в средневековом источнике информации. В любом случае наиболее трудной проблемой источниковедения является правильное понимание источника, точки зрения его автора. Проблема установления авторства источника является объектом специального изучения в современном источниковедении¹⁴, в том числе и на материалах русского средневековья¹⁵.

Некоторые исследователи полагают, что определенную помощь в выявлении авторской позиции может оказать просопографический метод. Он известен давно и активно используется в социологии и политологии для изучения общих характеристик группы действующих лиц в истории. Американский исследователь Л. Стоун считает, что применение просопографического метода может оказаться полезным при изучении путей осуществления этими людьми политических акций и путей и вариантов социальной мобильности применительно к различным социальным структурам¹⁶.

По мнению А.И. Филюшкина, просопография помогает при изучении авторства средневекового источника в том случае, если автор являлся крупным историческим деятелем. Исследователь под просопографией понимает «методику изучения исторического процесса через всестороннее изучение карьеры политических и социальных лидеров эпохи»¹⁷. А.И. Филюшкин с использованием данного метода проанализировал биографию князя А.М. Курбского – одного из самых известных исторических деятелей эпохи русского средневековья.

Несмотря на то, что историографическая традиция изучения деятельности Курбского в России и за границей, а также его публицистического и исторического наследия насчитывает сотни наименований, А.И. Филюшкин считает, что именно применение просопографического метода позволяет провести «исследование путей и методов осуществления князем А.М. Курбским жизненных страте-

гий и реализации карьерных устремлений»¹⁶. Автор, изучив биографию Курбского, пришел к выводу, что в лице одного человека сосредоточено «несколько» Курбских: первый – «русский князь, боярин, воевода», второй – «князь – литератор, переводчик и публицист», третий – «знаковая фигура русской истории, литературы, идеологии и общественного сознания»¹⁹. Любопытным представляется наблюдение автора о том, что «посмертная судьба Курбского-писателя и Курбского-символа была явно масштабней и счастливее земного Курбского-воеводы и Курбского-эмигранта»²⁰.

В качестве заключения хочется заметить, что одними новыми подходами к изучению исторических источников нельзя полностью понять историю средневековой русской культуры. Следует согласиться с мнением А.В. Каравашкина и А.Л. Юрганова о том, что эти подходы следует применять с учетом принципа дополнительности, который «не отрицает опыта предшественников и лишь вносит свое разграничение в сферы деятельности историка. Принцип дополнительности не допускает гипостазирования какого-то одного подхода к изучению культуры, но постулирует, что каждая отрасль гуманитарной культуры обязана выработать теоретическое обоснование собственных познавательных границ»²¹.

Примечания

¹ См.: Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997; Муравьёва Л.Л. Рогожский летописец XV в. М., 1998; Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005; и др.

² См.: Сиренов А.В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI – начала XVII в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2001; и др.

³ См.: Калутин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998; Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика. Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000; Ерусалимский К.Ю. «История о великом князе Московском» А.М. Курбского: Археографические и историографические аспекты: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2002; Солодкин Я.Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковед. исследование. Нижневартовск. 2002; Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007; и др.

⁴ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 15–16.

⁵ Ровный Б.И. Введение в культурную историю: Учеб. пособие. Челябинск, 2005. С. 7–8.

⁶ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 134.

⁷ См.: Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. С. 26

⁸ См.: Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII в.: От Смуты до Соборного Уложения. Ярославль, 2000; Коллманн Н.Ш. Соединенные четью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; и др.

- ⁹ См.: Найденова Л.П. Мир человека на Руси в XVI в. (по Домострою и памятным правам): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998
- ¹⁰ Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. С. 9.
- ¹¹ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. С. 7.
- ¹² См.: Там же. С. 21.
- ¹³ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса: Источниковедение культуры. М., 2005. С. 172.
- ¹⁴ См.: От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М., 1994.
- ¹⁵ См.: Неберекутина Е.В. Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина; Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XIV в.). М., 2000; и др.
- ¹⁶ См.: Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubart. New York. 1972 P. 107.
- ¹⁷ Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ Там же. С. 3–8.
- ²⁰ Там же. С. 579.
- ²¹ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. С. 173.

ОБРАЗОВАНИЕ

*В.Н. Азаров
(Екатеринбург)*

Некоторые аспекты взаимоотношений власти и высшей школы в годы НЭПа

На протяжении XIX–XX вв. отношения между государственной властью и высшими учебными заведениями в России практически всегда были напряженными. Авторитарная власть, за исключением кратких периодов реформ самой своей природой вступала в противоречие с либеральными тенденциями, характерными для развития высшей школы, стремилась ограничить или полностью уничтожить автономию университетов. Данная проблема многократно обострилась после Октябрьской революции и прихода к власти большевиков. Новый политический режим стремился не только к полному бюрократическому подчинению высшей школы, но и ставил своей целью установление тотального идеологического контроля над наукой, образованием и культурой.

Переход к НЭПу означал определенную либерализацию экономики, но оживление общественно-политической жизни оказалась очень кратковременным. Уже в 1922 г. по инициативе высшего руководства страны были предприняты репрессивные меры против интеллигенции, церкви, социалистических партий эсеров и мень-